

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Н. Н. Воронин, А. Г. Кузьмин

Культура любого народа складывается из традиций, унаследованных от предшественников, заимствований у соседей и собственного вклада поколений рассматриваемого времени. Колыбелью Древнерусского государства являлось Среднее Приднепровье. Рассказывая о местных жителях — полянах-руси, древний летописец отметил удобное географическое положение этой земли. Здесь проходил путь «из варяг в греки», соединявший Прибалтику и Северную Европу с Византией. По Волге лежал путь «в Болгары и Хвалисы» (население Среднего Поволжья и прикаспийских областей). Через «Варяги» можно было пройти к Риму¹. Приднепровье лежало на пересечении миграционных потоков, проходивших с севера на юг (или в противоположном направлении) и с востока на запад. На протяжении ряда тысячелетий в этом районе складывались яркие самобытные культуры: трипольская, скифская, черняховская. Вторжения степных кочевников нарушали естественное развитие местных культур, приводили к значительным перемещениям населения, периодам регресса. Но местные традиции пробивали себе дорогу сквозь толщу наслоений, возрождаясь в новых исторических условиях и на обновленной этнической основе.

В VI—IX вв. происходит процесс становления Древнерусского государства. В его составе, помимо славянских племен, оказались и «инии языци». Тот же древний летописец замечал, что «словенск язык в Руси» «токмо: поляне, древляне, нулгордьци, полочане, дреговичи, север, бужане... А се суть инии языци, иже дань дают руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь»². В период, отраженный летописцем³, в число данников Руси входили почти все прибалтийские племена, размещавшиеся от Пруссии до Новгорода. В той же летописи говорится о взимании дани русскими князьями с хазар и племен Северного Кавказа. В течение IX—XI вв. Русь вступала в контакты и с тюркоязычными народами (болгарами, печенегам, торками, половцами и др.), с остатками ираноязычных племен (аланы, тавры и др.), готов (в Крыму) и с греками. В Византии Русь часто именовали «скифами», «тавроскифами», в чем проявляется представление о преемственности двух крупных этнополитических образований, с которыми пришлось иметь дело сначала Древней Греции, а затем Византии.

В государстве, сложившемся на пути «из варяг в греки», наиболее развитыми были славянские племена, и славянский язык преобладал даже в тех районах, где они не составляли большинства (например, в Верхнем Поволжье). С середины I тысячелетия славяне являлись основным населением Среднего Приднепровья, и поэтому можно говорить об определенной культурной преемственности в рамках этой формирующейся народности. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» напоминал о борьбе славян с готами, относившейся еще к IV веку. Славяне расселялись тогда по многим областям Европы, оказавшись у границ обеих половин Римской империи, в составе позднейшей Франкской империи и даже в Испании и Северной Африке⁴. Контакты с народами —

¹ «Летопись по Лаврентьевскому списку» (далее — ЛЛ). СПб. 1897, стр. 6.

² Там же, стр. 10.

³ Автор, видимо, писал в середине XI в., когда уличи и тиверцы уже исчезли с горизонта, радимичи и кривичи входили в состав самостоятельного Смоленского княжества, а вятичи находились еще за пределами Руси.

⁴ В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб. 1859.

хранителями культурных традиций древних цивилизаций — способствовали развитию славянских племен, хотя отсутствие государственности ограничивало возможности сохранения накопленного.

С VI в. появляются более обстоятельные сведения об обычаях славянских племен. Представляя славян однородной этнокультурной массой, древние авторы тем не менее отмечают определенные различия в их верованиях. «Они считают, — говорит византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.), — что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». Но здесь же отмечается, что «они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания»⁵. Еще более заметны различия в верованиях по описаниям позднейших авторов, особенно обильных в связи с процессом христианизации славян, занимавших значительный район между Эльбой и Одером и южное побережье Балтийского моря. «Не все они, — писал немецкий хронист XII в. Гельмольд, — придерживаются одних и тех же обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами... у других божества населяют леса и рощи, как Прове (или Проне, видимо, Перун. — Авт.), бог альденбургской земли, — они не имеют никаких идолов... Среди многообразных божеств... они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах... и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому виду богов»⁶.

О культуре дуба у руссов рассказывает Константин Багрянородный (X в.). На острове Хортица у огромного дуба купцы и воины руссов приносили в жертву кур, а также кусочки хлеба и мяса⁷. Поклонение дубовым рощам было известно многим индоевропейским народам. Особое место оно занимало, в частности, у кельтов⁸. Жертвоприношения птицей составляли специфику определенной группы славянских племен. Кур приносили в жертву воины Святослава⁹. В «Летописце Переяславля Суздальского» поясняется, что знаменитая дань Ольги с древлян — по три воробья и по три голубя со двора — мотивировалась необходимостью «дати богом жертву»¹⁰. Разные формы жертвоприношений могли быть связаны с тотемическими представлениями. Тотемическое значение нередко носили и названия славянских племен: вильци (лютичи) — волки, ререги — соколы и др. Символом сокола, возможно, является «знак Рюриковичей»¹¹. На Верхнем Поволжье был распространен культ волка и медведя. У угро-финских племен многие предания связаны с оленем.

Для язычества характерна неустойчивость пантеона божеств. В договорах Руси с греками упоминаются боги Перун, олицетворяющий воинскую силу, и Велес — богатство и благосостояние («скотий бог», где «скот» означает деньги). Владимир, утвердившись с варяжской помощью в Киеве, заново «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь»¹². Примечательно, что в пантеоне Владимира каждое божество представляло какой-то компонент Руси, при этом главное место отводилось Перуну. Любопытно, что изображение Перуна имело аналогию у балтийских славян. Возможно, это свидетельствует о том, что на тех землях князь набирал наемников для похода на Киев¹³. Однако основное население собственно Киевской земли, по всей вероятности, признавало главным божеством Дажьбога. В «Слове о полку Игореве»

⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. 1950, стр. 297.

⁶ Гельмольд. Славянская хроника. М. 1963, стр. 186. Имя Перуна у германских славян носил четвертый день недели («Перундан»). Ср.: немецкое название четверга — «Donnerstag» («День грома»).

⁷ «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Л. 1934, стр. 9—10.

⁸ Я. Филипп. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961, стр. 96.

⁹ «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей». М. 1820, стр. 93.

¹⁰ «Летописце Переяславля Суздальского». М. 1851, стр. 12.

¹¹ Ср.: О. М. Рапов. Знак Рюриковичей и символ сокола. «Советская археология», 1968, № 3.

¹² ЛЛ, стр. 77.

¹³ С. Геденов. Варяги и Русь. Ч. I. СПб. 1876, стр. 350—353; А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб. 1884, стр. 202—203.

«русичи» называются «внуками», то есть потомками Дажьдбога, тогда как Перун в этом памятнике даже не упомянут. Имя Дажьдбога обычно объясняют как подателя добра, блага. Предполагается, что он был солнечным божеством. Но примерно то же значение отводилось и Хорсу. Подобное божество имелось у иранских народов¹⁴. Автор «Слова о полку Игореве», говоря о «вещих» свойствах Всеслава, отметил, что полоцкий князь «великому Хорсови путь прерыскаше». По средневековым поверьям, солнечное затмение объяснялось тем, что оборотень-волк загораживал путь солнцу. Симаргль и Мокошь, видимо, почитались у балтов и угро-финнов.

Вполне вероятно, что создание языческого пантеона вызывалось потребностями государственной консолидации. Примечательно, что в легенде о призвании варягов славяне и их угро-финские и балтские соседи выступают на паритетных началах. (Степень достоверности легенды в данном случае не имеет значения: таково было самосознание этих этнических групп.) Построив города по рубежам Руси, Владимир населил их «мужами» «от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятич»¹⁵. Киевский пантеон не предусматривал, однако, божества для скандинаво-германского компонента дружины князя. Это свидетельствует о том, что удельный вес их был здесь невелик и они уже были славянизированы (возможно, еще на южном берегу Балтики, где Владимир брал образцы для некоторых идолов пантеона). Прокопий Цесарийский и Гельмольд говорят о небесном божестве, которое признают все славяне. В Ипатьевской летописи главное славянское божество именуется Сварогом, а Дажьдбог признается его сыном. В позднейших поучениях против язычества обличению подвергались те, кто «огневе молятся, зовуще его Сварожичем». Бог «Сварожич» был известен также балтийским славянам¹⁶. Восточные авторы называют славян «огнепоклонниками», что проявлялось в сожжении умерших. Арабский писатель Ибн Фадлан (X в.), очевидец похорон знатного русса, передает слова единоплеменника умершего: «Вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в землю, и съедает его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно»¹⁷.

Интенсификация социального развития и укрепление государственной системы обычно требуют перехода к монотеизму. Ко времени образования Древнерусского государства в Восточной Европе имелись три таких религии: христианство, иудаизм (в Хазарии) и мусульманство (в Волжской Болгарии). Летописное предание рассказывает об «испытании» этих вер Владимиром, прежде чем выбор пал на христианство. Позднее церковные авторы представляли христианизацию Руси как одновременный акт, осуществленный в 988 г. Владимиром. На самом деле это был процесс, начавшийся задолго до X в. и продолжавшийся длительное время. Греческие авторы настойчиво говорят о крещении Руси в IX веке. Очевидно, здесь, как и у балтийских славян, одни и те же племена неоднократно меняли религию: крестились и возвращались в язычество. Раннее русское христианство было далеко не однородным. На юге Русь соприкасалась с крымскими (крымскими) греками и готами, на юго-востоке — с крещеными аланами, на Балканах — с Болгарией и Византией. Через Чехию, Польшу и Балтийское Поморье на Русь попадали христиане римского толка. Русь являлась также естественным убежищем для христиан-еретиков. Примечательно, что в летописном «символе веры» имеются элементы арианства¹⁸. Арианство было распространено у готов, ругов, вандалов, а также среди западных славян.

В середине X в. в дружине киевского князя Игоря христиане составляли равнозначную с язычниками часть. В это время в Киеве был храм св. Ильи, именем которого русские христиане клялись в Константинополе соблюдать заключенный в 945 г. до-

¹⁴ С. П. Обнорский. Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке. «Язык и литература». Т. 3. Л. 1929; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л. 1949, стр. 595.

¹⁵ ЛЛ, стр. 119.

¹⁶ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 278—279; Н. С. Тихонов. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов. «Летописи русской литературы и древностей». Т. IV. М. 1862, стр. 89, 92; Thietmari Merseburgensis episcopi. Chronicon. В. 1966, p. 268.

¹⁷ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». М.-Л. 1939, стр. 83.

¹⁸ ЛЛ, стр. 109—110. Ариане говорили о «старшинстве» бога-отца перед богом-сыном и о «подобосущии» последнего по отношению к отцу. Ортодоксальная церковь настаивала на их «единосущии».

говор. Позднее на Руси получил широкое распространение культ богородицы, а культ св. Ильи как бы отступал на второй план. Но в преданиях его образ являлся одним из самых популярных, причем к нему перешли наиболее существенные функции Перуна-громовержца. Мирное сожителство различных племен и народностей способствовало взаимопроникновению религий. Христианский бог в представлении язычников сливался с небесным божеством. У лютичей и других славянских племен крест и языческие идолы нередко занимали место рядом во главе войска¹⁹. И на Руси ожесточение во взаимоотношениях религий в значительной степени привносилось пришлым духовенством.

Столкновение разных религиозных влияний вызывало неустойчивость брачных отношений на Руси. Летописцы отмечают, что у полян «не хожажу зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче»²⁰, то есть, очевидно, вопрос решался без жениха и невесты; у древлян — «умыкываху у воды девица». Об «умыкании» по соглашению с невестой говорится и в связи с характеристикой брачных обычаев радимичей, вятичей и северян. У этих племен было многоженство («имяху же по две и по три жены»). У Игоря и Святослава было по одной жене. Рождением от наложницы Малуши, Владимир Святославич являлся как бы незаконным. Но сам он имел 8 жен и сотни наложниц. Козьма Пражский (около 1125 г.), объясняя многоженство современника Владимира — чешского князя (христианина) Ольдржиха, заметил, что «в те времена, если кто желал, мог иметь и двух и трех жен... Если мужчина удовлетворялся одной супругой, а женщина одним мужем, что теперь считается целомудренным, тогда считалось позорным»²¹. Даже в конце XI в. митрополит Иоанн особо говорил о тех, кто «без стыда и срама 2 жене имеют»²². Очевидно, сказывались ранее имевшиеся различия в быте племен.

Авторы отмечают исключительное гостеприимство славян. В «Поучении» Владимира Мономаха это традиционное правило получает «рациональное» объяснение: гость или посол «мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым»²³. Для гостя выставлялись лучшие яства и напитки, что нередко производило впечатление особой приверженности славян к чревоугодию и пьянству. Пиры и «веселие» занимали важное место и в отправлениях языческого культа, включая обязательную погребальную «тризну». Религиозное мировоззрение связано с представлением об «ином мире», где умерший будто живет вечно. Христианство обещало верующим «воздаянье» на «том свете», где их ждали «рай» или «ад». Славянское язычество не располагало этими «стимулами», поэтому переход в «иной мир» не предполагал у славян изменений в положении умершего. Славянские воины не сдавались в плен, так как пленный становился рабом и, по их убеждению, оставался им «в весь век будущий», то есть после смерти. Умершего старались снабдить всем необходимым в его настоящей жизни, поскольку и «там» все это будет в употреблении. Смерть близкого человека воспринималась как разлука. Любимой жене или наложнице умершего предоставлялось право (не обязанность, а именно право) уйти за своим повелителем, отдав себя на смерть. Обреченная поет и веселится, радуясь предстоящей встрече с близким ей человеком²⁴. Неизменным спутником всех языческих празднеств и торжественных церемоний (включая похороны) являлось «веселие» с музыкой и танцами. Феофилакт Симокатта (греческий автор начала VII в.) рассказывает о пленении трех славянских музыкантов, пришедших с берегов «Западного океана» (очевидно, с Балтийского побережья). «Единственным их багажом, — говорит автор, — были гусли, и ничего другого они не несли с собою»²⁵. Гуслиеры выполняли посольские функции при аварском кагане, что само по себе свидетельствует о почетном месте музыкантов-бардов в языческом славянском обществе. Арабский географ Ибн Руста отмечает, что у славян есть «разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная»²⁶.

«Веселие» — одно из самых неистребимых проявлений древней славянской культуры, с которым христианская церковь вела безуспешную борьбу. Летописец рассказы-

¹⁹ А. Гильфердинг. Собрание сочинений. Т. 4. СПб. 1874, стр. 420—421.

²⁰ ЛЛ, стр. 12.

²¹ Козьма Пражский. Чешская хроника. М. 1962, стр. 83.

²² «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». Л. 1936, стр. 98.

²³ ЛЛ, стр. 237.

²⁴ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», стр. 81.

²⁵ Феофилакт Симокатта. История. М. 1957, стр. 139—140.

²⁶ «Сборник документов по истории СССР», Ч. I. М. 1970, стр. 42.

вает об «игрищах межю селы», сопровождавших браки у славян²⁷. В конце XI в. митрополит Иоанн сетовал по поводу того, что заключались браки без венчания, но с плясками, «гудением и плесканием»²⁸. Но, как справедливо заметил Н. М. Гальковский, «в деле искоренения игр и плясок гражданские власти не всегда проявляли энергию, потому что сами в глубине души сочувствовали этого рода развлечениям»²⁹. Пиры Владимира находили похвальный отклик не только в народных былинах, но и в летописном рассказе. У Святослава Ярославича Феодосий Печерский увидел «многоя играюща пред нимъ, овы гусельныя гласы испущающем, другыя же оръганныя гласы поющем, и инем замарьныя пискы гласящем, и тако въсем играющем и веселящемся, яко обычан же есть перед князем»³⁰. «Благоверие» князя не простиралось далее перерыва в «веселии» на время присутствия «подвижника». Сами служители церкви не прочь были принять участие в пирах и гуляниях. Тот же митрополит Иоанн предписывал «иерейску чину» «в то время отходить, аще будет соблазн велик»³¹.

Неоднородный характер раннего русского христианства predetermined борьбу в нем разных направлений. Н. К. Никольский отметил, что русское христианство XI в. отличалось значительным оптимизмом и терпимостью по отношению к иным верам. «Спасение» требовало лишь «милостыни» и «покаяния»³². У авторов XI в. элементы рационализма замечаются даже в оценке христианизации Руси. Особенно выразителен в этом отношении летописный рассказ о выборе веры Владимиром. Но и представители верхушки русского духовенства (Иларион, Иаков-мних), прославляя Владимира и ставя его рядом с Константином Великим или апостолами, не приписывают инициатору крещения чего-либо сверхъестественного. Греческое духовенство сопротивлялось канонизации Владимира, и одним из аргументов против такого рода актов обычно выставлялось указание на отсутствие «чудес» у гроба «соискателя». В житии Ольги наблюдается первый шаг к созданию «чудес»: «Иже с верою придетъ, отворится оконче и vedere честное тело блаженныя Ольги лежаща цело... А другимъ иже не с верою приходятъ, не отворится оконче гробное, и не видать тело того честного, но токмо гроб»³³. Нетленность мощей — первое чудо «святого». Очевидно, останки Ольги не сохранились, и потому свидетелями «чуда» могли быть только те, кто хотел убедить себя в его реальности. Канонизация убитых в 1015 г. князей Бориса и Глеба вызвала в 1072 г. скептицизм со стороны самого митрополита (грека). Но, по уверению летописца, митрополита «ужасть обиде», когда церковь, куда были перенесены мощи новых святых, наполнилась «благоуханием»³⁴. С конца XI в. требования «подвижничества», аскетизма, отшельничества наполняют поучения руководителей церкви. Центром нового направления Н. К. Никольский справедливо считал Печерский монастырь, тесно связанный с монастырями строгого режима в Византии. Киевские пещеры оказались буквально благодатной почвой для создания пантеона «святых», поскольку гарантировали «нетленность» мощей. Византийское или провизантийское духовенство становилось существенной политической силой. В монастыри уходили некоторые отпрыски княжеских родов. Однако в повседневной жизни преобладали прежние традиции. Лишь татарское нашествие дало в руки церковникам основание для «материализации» представлений о «муках», ожидавших «неправедных» на «том свете». Это обстоятельство способствовало и возрождению мрачных сторон язычества: обращению к колдунам и ведуньям, жертвоприношениям водным источникам и деревьям и т. д.

Христианское богослужение немислимо без письменности, поэтому крещение открывало дорогу к письменной культуре всего христианского мира. Но письменность су-

²⁷ ЛЛ, стр. 13.

²⁸ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ). Т. VI. СПб. 1908, стр. 8, 13, 18.

²⁹ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков. 1916, стр. 320.

³⁰ «Успенский сборник XII—XIII вв.». М. 1971, стр. 123.

³¹ РИБ. Т. VI, стр. 13.

³² Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве. «Русская мысль», кн. 6, 1913, стр. 11—14.

³³ С. А. Бугославский. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. «Известия» Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук (далее — ИОРЯС). Т. XXIX. Л. 1925, стр. 146 — 147.

³⁴ ЛЛ, стр. 177.

ществовала и независимо от «всемирной» религии. На территории Восточной Европы, помимо греческой, латинской, древнееврейской и арабской письменности, имелась также руническая: готско-норманнская, скифо-сарматская и др. Обнаружены и славянские пока еще не дешифрованные надписи (сосуд из с. Алеканово, Рязанской обл., медные бляхи из тверских курганов XI в. и др.). У норманнов рунические письмена имели магическое значение, и находки их исчисляются тысячами. У славян при отправлении языческого культа непосредственной необходимости в письменности не было. Она носила как бы деловой характер. Так, Титмар Мерзебургский отметил, что на славянских идолах были вырезаны имена богов³⁵. Но это не имело никакого отношения к культу. Ибн Фадлан говорит о дощечках с именем умершего царя на холмах погребенных руссов³⁶. В договоре Руси с греками 911 г. указывается, что если в Византии умирал русский наемник, то его имущество переходило к тому, «кому будет писать наследити имень его». В случае же отсутствия письменного завещания наследниками оказывались «малые ближники» в Руси. По договору 945 г., послы и гости из Руси должны были предъявлять в Константинополе «грамоты» от князя и бояр с уведомлением о количестве посланных кораблей. В противном случае приезжие подвергались аресту вплоть до подтверждения полномочий из Руси³⁷. Видимо, в связи с торговлей появилась и запись кириллицей на сосуде из Гнездовского кургана: «гороуца», или «гороушна»³⁸.

По «Сказанию о славянской грамоте», славянская письменность была создана около 863 г. Константином-Кириллом. Но и ранее у славян употреблялось письмо в виде «черт и резгов». Примечательно также, что славянская письменность известна в двух вариантах: глаголица и кириллица. Их соотношение до сих пор не выяснено. Кириллица, несомненно, восходит к греческому письму. Истоки глаголицы определить гораздо труднее. Некоторые буквы глаголицы весьма напоминают древние «причерноморские знаки»³⁹. В ряде случаев аналогии им находятся во фрагментах аланского письма⁴⁰. В «Паннонском житии» Кирилла имеется факт, сопоставимый с отмеченными. В Херсонесе (Корсун) Кирилл «обрел» евангелие и псалтирь, «роусьскими письмены писано». Встретив здесь же человека, который «глаголюще тою беседою», Кирилл «вскоре начат чести и сказати по-русски»⁴¹. В некоторых вариантах «Сказания» утверждается, что это «русское» письмо и было положено Кириллом в основу своего алфавита. Две славянские письменности можно сопоставить также с двумя «предложениями» (переводами) книг. В первый раз это было осуществлено в 863 г., второй раз — в Болгарии на Преславском соборе в 893—894 годах⁴². Позднее католическими авторами глаголица именовалась еще «готским письмом», что, может быть, также указывает на ее причерноморские корни.

Первыми памятниками древнерусской письменности являются договоры Руси с греками 911 и 945 годов. Тексты их сохранились в составе Начальной летописи

³⁵ Thietmar i Merseburgensis episcopi. Chronicon, p. 268.

³⁶ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», стр. 83.

³⁷ ЛЛ, стр. 36, 47.

³⁸ Надпись датируется второй четвертью X в. (ср.: Д. А. Авдусин. Гнездовская корчага. «Древние славяне и их соседи». М. 1970, стр. 112—113). А. С. Львов считает, что первоначальная запись «гороуца» передельвалась на «гороушна», и допускает возможность понимания слова как «горючее» — нефть, или как «горчица» — тоже «горючее» (А. С. Львов. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 30, вып. 1, 1971, стр. 51). Сосуд попал в Гнездово из Причерноморья, откуда могли быть доставлены и горючее — нефть, и горчица. По сообщению Адама Бременского (XI в.), «греческий огонь» («вулкановы сосуды») употреблялся на другом конце пути «из варяг в греки» — в крупнейшем городе Северной Европы — славянском Волине («Magistri Adami Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Hannoverae et Lipsiae. 1917, pp. 79—80; «Хрестоматия по истории средних веков». Т. I. М. 1961, стр. 312).

³⁹ В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М. 1965, стр. 463 (сопоставительная таблица).

⁴⁰ Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л. 1971, стр. XX (таблица XXXI).

⁴¹ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л. 1930, стр. 12, 49.

⁴² Г. Ильинский. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена кириллицей? «Byzantinoslavica». R. III. Praha. 1931, str. 1—2.

(«Повести временных лет»), но отдельное их происхождение несомненно. Еще в прошлом столетии было установлено, что русские тексты договоров являются переводами с греческих оригиналов⁴³ и сделаны они современниками⁴⁴. Не исключено, что сначала русские «противни» (экземпляры русской стороны) были написаны глаголицей и при переводе на кириллицу некоторые выражения были прочтены ошибочно⁴⁵. Признание христианства государственной религией потребовало резкого увеличения числа грамотных людей. Поэтому сразу после принятия крещения Владимир «послав нача поимати у нарочитое чади дети и даяти нача на учење книжное»⁴⁶. Поход на Корсунь (988—989 гг.) сопровождался вывозом церковного имущества и выводом людей, умевших отправлять богослужение. Из южных и западных славянских земель также шли на Русь и книги и грамотные люди — прежде всего последователи проповеди Кирилла и Мефодия. В русской литературе XI в. весьма заметна культурная струя ее славянских соседей.

Обучение на Руси приняло довольно широкий по тому времени размах и даже организованный характер. Ярослав в Новгороде «собра от старост и поповских детей 300 учити книгам»⁴⁷. В «Стоглаве» (XVI в.) напоминает, что «преж сего в Российском царстве и на Москве и в Великом Нове городе и по иным градом многие училища бывали и писати и пети и чести гораздых много было, но певцы и чтецы и доброписцы славны были по всей земле и дондесь»⁴⁸. Историческая справка к «Стоглаву», очевидно, имела в виду домонгольскую Русь. В. Н. Татищев дал ряд сведений о школах на Руси XI—XII веков. Справка к «Стоглаву», возможно, указывает на общий источник их сообщений⁴⁹.

Уровень образованности Руси XI в., пожалуй, даже неожиданно высок. Владимир Мономах мимоходом замечал, что его отец (Всеволод Ярославич — 1030—1093 гг.), «дома сеяя, изучеаше 5 язык, в том бо честь есть от иных земель»⁵⁰. Печерский монах Никита (будущий новгородский епископ, умер в 1108 г.) впал в «ересь»: читал книги на латинском, греческом и древнееврейском языках, игнорируя славянские переводы нового завета⁵¹. Очевидно, в Киеве XI в. можно было найти книги на всех этих языках. Образованность в тот период не была привилегией мужчин. Анна Ярославна, выданная замуж за французского короля, была не только грамотной, но и проявляла политическую активность. Сноха Ярослава — супруга Изяслава Гертруда в своих скитаниях по Европе возила так называемую «Трирскую псалтирь», в которой «молитва Гертруды» была записана латиницей, а надписи на миниатюрах сделаны на славянском и греческом языках⁵². По сообщению В. Н. Татищева, Анна Всеволодовна, постригшаяся в 1086 г. в Андреевском монастыре, собравши «младых девиц неколико, обучала писанию, также ремеслам, пению, швению»⁵³.

Грамотность распространяется и среди посадского населения. Известны надписи, сделанные на предметах ремесла. На пряслицах встречаются записи, указывающие на принадлежность их той или иной владелице⁵⁴. В последние годы в Новгороде и других городах обнаружены берестяные грамоты — бесценные свидетельства употребления письма в повседневной жизни горожан. Существенно, что это обычная хозяйственная переписка. Должно быть, процесс написания и чтения не составлял особых затрудне-

⁴³ Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб. 1853.

⁴⁴ С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М. 1960, стр. 119—120.

⁴⁵ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб. 1882, стр. 5, 7.

⁴⁶ ЛЛ, стр. 116.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 1. Птгр. 1915, стр. 113.

⁴⁸ «Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав)». М. 1890, стр. 123.

⁴⁹ В XV в., как видно из послания новгородского архиепископа к митрополиту Симону, школ на Руси не было.

⁵⁰ ЛЛ, стр. 238.

⁵¹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб. 1911, стр. 91—92. Эпизод относится к 1078—1088 годам.

⁵² Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб. 1906.

⁵³ В. Н. Татищев. История Российская. Т. II. М.-Л. 1962, стр. 95.

⁵⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 197—202 и др.

ний. Примечательно, что среди первых 422 найденных грамот было только два или три религиозных текста⁵⁵. Напротив, почти все древнейшие, дошедшие до наших дней книги — церковного содержания. Очевидно, всему свое место. Книги хранились главным образом в церквях и монастырях. Но эти своеобразные библиотеки подвергались естественной «цензуре». Частные же книжные коллекции почти не имели шансов на сохранение. Их больше читали (или держали в руках), чаще теряли и просто уничтожали.

От домонгольского времени сохранилось около 200 рукописей славяно-русских книг⁵⁶. Древнейшей датированной рукописью является знаменитое «Остромирово евангелие» (1056—1057 гг.). Возможно, к более раннему времени относится Путятинна минея⁵⁷. Древнейшие рукописи обычно делятся на две категории: служебные и книги для чтения. Служебные книги создавались на основе «священного писания» — ветхого и нового заветов. На Руси предпочтение оказывалось новозаветной литературе: евангелию, посланиям и деяниям апостолов, откровению Иоанна Богослова (в полном виде или в «изборе»). Из ветхозаветной литературы чаще других встречается псалтирь (сборник псалмов, приписываемых иудейскому царю Давиду). Для объяснения некоторых сюжетов песнопений служили «толковые псалтири». Другой книгой, составленной на повествовательном (историческом, пророческом) материале ветхого завета, являлся «паримейник». Некоторая диспропорция в распространении книг ветхого и нового заветов отчасти объяснялась обилием на Руси литературы, дававшей иудейскую интерпретацию библейской истории. В Ватиканской библиотеке, в частности, сохранился список 1094 г. с комментарием русского иудея на Пятикнижие⁵⁸. Монах Никита, как отмечалось, читал ветхозаветную литературу в оригинале. От XI в. сохранились «служебные минеи» — собрание служб по месяцам, «триоди» (тексты праздничных богослужений до пасхи и после нее), «служебники» с «требниками» для повседневной службы.

«Четья» литература, то есть книги для чтения, также включала богослужебные сочинения, а псалтирь была настольной книгой каждого верующего. Особое место занимала церковно-учительная литература, прежде всего «жития святых». Жития группировались в разнотипных сборниках: «протогах» (краткие жизнеописания «мучеников», изложенные в хронологическом порядке дней и месяцев), «четьях-минейях» (более распространенные сказания того же типа), специальных подборках полных текстов житий или отдельных сочинений житийной литературы. В XI в. на Руси появляются и оригинальные сочинения этого типа: жития Владимира, Ольги, а также Бориса и Глеба, погибших в усобице 1015 года. В конце XI или начале XII в. Нестор написал житие Феодосия Печерского. Около того же времени появилось житие Антония Печерского (последнее не сохранилось). Жития иногда группируются по географическому признаку, составляя особые «патерики». Таковым, в частности, является «Киево-Печерский патерик», в основу которого легли записанные в начале XIII в. Симоном и Поликарпом предания о «подвижниках» Печерского монастыря. Естественнонаучный интерес русского читателя удовлетворялся переводными «Шестодневными» и «Физиологами». Первые комментировали библейский сюжет о сотворении мира, вторые давали сведения о животных и их свойствах. В обиходе были более распространенные «изборники», включавшие «научные» сведения вперемежку с «учительными». Сочинениями этого типа являются знаменитые изборники Святослава 1073 и 1076 годов.

Наряду с литературой «канонической», освященной церковною традицией, были и сочинения «апокрифические», преследуемые официальной церковью. В апокрифах также рассматривались сюжеты ветхо- и новозаветной истории. Но они в большей степени испытали влияние устной языческой традиции (восточной, греко-римской и др.). В «Изборнике Святослава» 1073 г. приводится перечень 42 «истинных» и 24 апокрифических книг. Многие из этих «отреченных» книг до русского читателя, видимо, и не доходили (они существовали лишь в греческих оригиналах). Но другие распространя-

⁵⁵ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М. 1965, стр. 186.

⁵⁶ Ср.: Н. Б. Шеломанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. «Археографический ежегодник за 1965 г.». М. 1966.

⁵⁷ В. М. Марков. Путятинна минея как древнейший памятник русского письма. «Slavia». № 4. Praha. 1968.

⁵⁸ Ср.: А. Я. Гаркави. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. СПб. 1866, стр. 9 (примечание 2). Пятикнижие — первые пять книг Библии.

лись вопреки всем запретам. Апокрифическое «Первоевангелие Иакова» использовалось автором «Сказания о Борисе и Глебе», а также Кириллом Туровским. Эпизоды из «Сказания» отразились в мозаике Киевской Софии⁵⁹. В списке XII—XIII вв. известно апокрифическое сочинение «Хождение Богородицы по мукам». Богородица выступает в нем ходатаем за грешников, пребывающих в аду, добываясь облегчения их мук (своеобразная реакция на христианство языческих представлений о загробном мире). В русском списке при этом поясняется, что мучение принимают те, кто обоготворял солнце, месяц, землю, воду, зверей и гадов, а также человеческие имена: Троян, Хорс, Велес, Перун. Очевидно, предполагалось, что акта крещения и отказа от язычества было достаточно для «спасения».

Апокрифические элементы проявились в летописном сказании об апостоле Андрее, которого летописец использовал в качестве орудия насмешки над новгородцами (апостол удивился, как новгородцы до полусмерти истязают себя «младыми прутьями» в банях). Один из летописцев начала XII в. демонстрирует «ученость» ссылкой на апокрифическое «Откровение Мефодия Патарского» (статья 1096 г.), а также обращением к еврейскому автору X в. Иосиппону, у которого заимствуется мысль о наличии ангелов у язычников (1110 г. Ипатьевской летописи)⁶⁰. От XI в. (в поздних списках) сохранился ряд поучений высших чинов русской церкви: новгородского епископа Луки Жидяты, Феодосия Печерского, митрополита Иоанна П. Появляются сочинения, направленные против римской церкви. Большинство их находилось под влиянием соответствующих жанров греческой и болгарской литературы, тем более, что руководители церкви были часто выходцами из Византии. Но в том же XI в. создаются и оригинальные русские произведения. Стремление к самостоятельности, между прочим, проявлялось уже в том, что греческие сочинения XI в. на Руси практически не переводили. Здесь отдавалось предпочтение более древней византийской письменности, с точки зрения Константинополя, не вполне канонической.

Замечательным свидетельством высокого уровня развития публицистики и литературы середины XI в. является «Слово о законе и благодати» Илариона — первого митрополита-русина (поставлен в 1051 г.). Тема Илариона — сопоставление ветхого и нового заветов, что могло быть навеяно значительным распространением иудаизма на Руси. Сам Иларион не был свободен от влияния со стороны оспариваемой им религии. Одному «богом избранному» народу он противопоставляет другой, тоже в известном смысле «избранный». Преимущества христианства перед иудаизмом окрашиваются идеей самостоятельности русской церкви, прославлением Руси с ее давними традициями, уходящими в языческую пору. Это, естественно, находило живейший отклик и становилось фактором в сложной борьбе, ведшейся вокруг содержания древнерусского христианства и форм организации русской церкви. Аудитории, очевидно, был понятен и художественный орнамент публицистического по назначению выступления.

«Слово» Илариона отличается исключительной стройностью, побудившей даже известного «скептика», историка русской церкви Е. Е. Голубинского сравнить его с лучшими образцами красноречия XIX века. Иларион знаком с ветхозаветной и новозаветной литературой (в частности, посланиями апостола Павла и «Шестодневом» Иоанна Экзарха — болгарским сочинением X в.). Но литературный материал дается им в собственном своеобразном осмыслении, насыщенном образами и аллегориями. «Законное озеро пресыше (то есть высохло. — Авт.), евангельский же источник наводнився». Христианство до «языка русскаго доиде». И никому Русь не обязана приобщением к «благодати», и незачем, следовательно, принимать ей «учителей» со стороны. «Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Павла, има же вероваша в Исуса Христа сына божиа; Асиа, и Ефес, и Пафм — Иоанна Богослова; Индия — Фому, Египет — Марка; вся страны и грады и людие чьтут и славят коегождо их учителя, иже научиша я православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагала нашаа земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже в свои

⁵⁹ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М. 1921, стр. 259—261, 269—270.

⁶⁰ Н. А. Мещерский. К вопросу об источниках Повести временных лет. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). Т. XIII. М.-Л. 1957, стр. 57—65.

лета владычествующа, мужеством же и храбрством прослуша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в худе бо и не в неведоме земля владычествоваша, но в Руське, яже ведома и слышима есть всеми концы земля».

Обращение к Ярославу (Георгию) — это в равной мере и похвала князю, как преемнику дела великого родителя, и рекомендация не отступать от традиций самостоятельной русской церкви: «Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, егоже сътвори господь наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твоих устав, нъ утвержающа». Торжественным аккордом звучит заключительное обращение к Владимиру, в котором гордость за настоящее приобретает особый резонанс именно потому, что оно создано своими руками: «Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, встани, отряси сон! Неси бо умерл, но спиши до общего всем встаниа. Встани,... отряси сон, взведи очи, да видиши, какая тя чести господь тамо сподобив и на земли не безпамятна оставил сыном твоим. Встани, виждь чадо свое Георгия, виждь утробу свою, виждь митааго своего, виждь, егоже господь изведе от чресл твоих; виждь красящаго стол земля твоей, и возрадуйся, възвеселися... Вижь и град величеством сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще... И си вся видеи, възрадуйся и възвеселися»⁶¹. Иларион был первым русским митрополитом, занявшим кафедру без санкции Константинополя. В середине XII в. в аналогичном положении находился (другой митрополит-русин, Климент Смолятич. Современники отмечали его исключительную образованность⁶². Противники митрополита указывали на увлечение Климента греческой философией — сочинениями Гомера, Аристотеля, Платона. Но из «многих писаний» сохранились только отрывки переписки Климента с Ростиславом Мстиславичем (смоленским, затем киевским князем) и близким князю священником Фомой. Климент Смолятич стремился к образности выражений и проникновению в сокровенный смысл написанного, чем вызвал возмущение «ортодоксов». Митрополиту пришлось покинуть кафедру, и это не могло не сказаться на судьбе его сочинений.

Больше посчастливилось литературному наследству Кирилла Туровского. Его имя попало даже в некоторые прологи. Отмечается, в частности, что он «Андрею же Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих писаний, яже суть чтоми на праздники господския. И ина многа душеполезна словеса, яже к богу молитвы и похвалы многим; ина множайша написав церкви предасть»⁶³. Сохранилось более двух десятков сочинений Кирилла. В отличие от Климента Смолятича Кирилл большее внимание уделяет форме посланий и поучений, при известной трафаретности содержания. Язычество оставалось еще реальной силой, и Кирилл «зиме греховной» противопоставляет «весну» христианства: «Днесь весна красується, оживляючи земное естество: бурнии ветри, тихо повевающе, плоды гобзують и земля, семена питаючи, зеленую траву ражають»⁶⁴. Поучения могли носить и чисто светский характер. Но таким сочинениям было особенно трудно «выжить». В летописи, например, сохранился лишь обрывок поучения Ярослава детям (1054 г.). В уникальном списке Лаврентьевской летописи дошли Поучение и письмо Владимира Мономаха (1052—1125 гг.) к Олегу Святославичу. Сочинения Мономаха дают представление о культурном уровне феодальной аристократии, ее идеалах и этических нормах. На мировоззрении князя лежит ясный отпечаток христианской морали, но оно свободно от крайностей аскеза и даже страха за последствия на «том свете». Умеренность и уравновешенность, энергия и простота, мужество и великодушие — качества, необходимые, по мнению Владимира, феодальному владетелю в его повседневной деятельности: в ведении хозяйства, в военных походах, на охоте. Владимир Мономах хорошо знаком с современной литературой и не чужд поэзии, проявлявшейся у него прежде всего в склонности к образному изложению и любованию красотой «божьего творения».

Большим ущербом для мировой культуры является то обстоятельство, что поэзия в средневековье ассоциировалась с язычеством, преследовалась церковью и сохранялась почти исключительно в устной традиции. Изоляция Исландии от непосредственного воздействия кликальной римской администрации содействовала сбережению для чело-

⁶¹ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. «Slavia», 1963, № 2, стр. 163—164, 168.

⁶² ПСРЛ. Т. 2, стб. 340.

⁶³ М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. СПб. 1858, стр. 62.

⁶⁴ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М. 1947, стр. 60.

вечества образцов поэзии скальдов, причем имелась возможность записать их в сравнительно раннее время (в XIII в.). На северных окраинах Руси в течение многих столетий сохранялись песни и былины киевского периода. Как показал Б. А. Рыбаков, почти все былинные сюжеты укладываются в хронологические рамки с IX по XII в.⁶⁵, хотя имеются их записи лишь самого недавнего времени. Естественно, что многовековое перепевание древних сказаний постепенно нивелировало их художественные особенности и приводило к утрате колорита времени. И тем не менее былины отразили те черты народного характера и мировоззрения, которые вошли в его плоть и кровь, стали прочной традицией.

В устном народном творчестве можно уловить и конкретные идейно-социальные и художественные особенности. Многие былины несут индивидуальную окраску их создателя, причем в них отражается и книжная литература. С другой стороны, лучшие письменные произведения произрастают на почве фольклора. Древнейшим дошедшим до нас русским сочинением, органически соединяющим народные мотивы с письменной культурой, является жемчужина мировой литературы — «Слово о полку Игореве». В этом произведении рассказывается о трагическом походе северских князей в 1185 г. на половцев. Малозначительный с точки зрения исторической перспективы эпизод приобретал в глазах безвестного поэта огромные размеры. «Слово» принадлежит к числу тех произведений, которые как бы выпадают за рамки естественного развития культуры, выделяясь своим художественным совершенством. Это обстоятельство породило огромную литературу на разных языках, и с самого открытия памятника, в конце XVIII в., порождало сомнения в его подлинности. Не верилось, что поэма могла быть создана и найти квалифицированных ценителей уже в XII веке. Между тем памятник может быть понят лишь на фоне мировоззрения домонгольской поры и конкретной политической ситуации конца XII столетия⁶⁶. Автор-христианин с явным сочувствием относится к далеко не изжитому язычеству. Воспевая «Русскую землю» и призывая к объединению усилий для ее защиты, он отнюдь не подвергает сомнению феодальный принцип: каждый держит отчину свою. Скорбя о разорении русских областей, он не забывает напомнить, какую выгоду могли бы получить князья, если бы им удалось договориться о совместном выступлении.

Исключительное богатство поэтических средств, в частности насыщенность поэмы образами, действительно, выходит за рамки «нормы». В этом смысле «Слово» можно было бы сопоставить с поэзией А. Блока или С. Есенина и менее всего подойдет для параллелей литература XVIII в., не имевшая, по выражению А. С. Пушкина, «вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»⁶⁷. «Слово» написано на волне особого поэтического подъема, под свежим впечатлением событий. Поэтому датирование поэмы первыми месяцами (хотя даже неделями) после трагического похода представляется наиболее вероятным (хотя, конечно, позднее отдельные ее строфы и сюжеты могли претерпевать изменения)⁶⁸. «Слово о полку Игореве» представляет большой интерес не только само по себе, но и как фрагмент той области литературы, которая сохранилась в наименьшей степени (из-за резко выраженной светскости и насыщенности языческими традициями). Автор его, видимо, профессиональный певец, слагавший «славы» князьям. Он широко осведомлен в песенных традициях еще с «Бусовых» времен (IV в.). Поэт хорошо знает песнотворца XI в. Бояна, который «песне пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редю, гед. полкы касожьскими, красному Романови Святъславличю» (умер в 1079 г.). Стремясь вести разговор «по былинам своего времени, а не по замышлению Бояню», автор, однако, постоянно соразмеряет свое изложение с поэтическими образами знаменитого предшественника. Но создатель «Слова», конечно, не подражатель. Любые его повороты и экскурсы в глубь веков или в ширь просторов Руси дают в живых, конкретных образах, неизменно емких, сочных и разнообразных.

⁶⁵ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М. 1963, стр. 4.

⁶⁶ Рассмотрению этих вопросов посвящены две книги Б. А. Рыбакова: «Слово о полку Игореве» и его современники» (М. 1971) и «Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве» (М. 1972).

⁶⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VII. М.-Л. 1949, стр. 503.

⁶⁸ Ср.: Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 267—271.

Трудность современного восприятия содержания поэмы в значительной степени зависит от того, что далеко не всегда ясно, какие факты имеет в виду поэт. Когда автор сообщал о войнах-курянах, что они «под трубами повиты, под шеломи възлелеяни, конечи копия възкормлени», слушателям, очевидно, хорошо представлялся почти окруженный половецкими кочевьями юго-восточный опорный пункт Руси — Курск. Напоминая, что Всеволод Владимирский может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти», а также «посуху живыми шересиры стреляти — удалыми сыны Глебовы», поэт обращался к аудитории, которая хорошо знала об успешном походе владимирского князя на волжских болгар в 1183 г., о походах на донских половцев. Во всех этих предприятиях принимали участие и пять сыновей рязанского князя Глеба Ростиславича (умер в 1178 г.). Характеристика Ярослава Осмомысла Галицкого в целом и сейчас понятна: «Подпер горы Угорские своими железными плъки, заступив кородеви путь, затворив Дунаю ворота». Но для того, чтобы понять фразу «суды рядъ до Дуная», необходимо выяснить, распространялась ли власть галицкого князя на Нижний Дунай, а выражение «стреляеши съ отня злата стола салтъани за землями» имело в виду какой-то конкретный факт из истории галицко-византийского сотрудничества в этот период.

Попутно автор «Слова» сообщает важные для историков факты. Из плача Ярославны мы узнаем, что Днепр «лелеял еси на себе Святослави насады до плъку Кобыякова», то есть становится ясным маршрут и характер похода Святослава на Кобыяка в 1183 году. Книгина сожалеет, что всем теплое и красное солнце «простре горячую свою лучю на ладе вои, въ поле безводне жаждоу имъ тучи съпраже, тугоу имъ тули затче». Косвенные данные подтверждают реальность этой картины. Современникам же хорошо знакомые реалии помогали понять и самые замысловатые образы поэта. Очевидно, плач Ярославны, сон Святослава, обращение к князьям — продукт непосредственного творчества автора «Слова». В исторических экскурсах он не мог избежать влияния со стороны предшественников, прежде всего Боiana (почему и экскурсии уходят главным образом в XI век). Песенный налет явно лежит на характеристике Всеслава Полоцкого (умер в 1101 г.), который мог «до кур» (то есть до петухов) достигнуть Тмутаракани или за ночь «обесися сине мгле» (то есть повиснув на туманном облаке), пролететь от Белгорода до Полоцка. Песнями могло быть навеяно и образное описание битвы Всеслава с Ярославичами на Немиге (1067 г.): «На Немизе снопы стелють головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костью руских сынов»⁶⁹.

Обращение автора «Слова» к языческим божествам и представлениям нередко воспринимается как чисто литературный прием. Но, пожалуй, такое представление неточно. Скорее это унаследованная от предшественников традиция, причем автор едва ли сомневался в реальности привлекаемых им образов. Сравнение половецкого нашествия «смагу мычючи в пламяне розе» (то есть сеют огонь из пылающего рога), может, конечно, восприниматься как емкий поэтический образ. Но и поэт и его слушатели, надо полагать, были многократно слышаны о функциях этих исчадий зла, и ничто, в том числе христианство, не могло рассеять убежденности в их постоянном вмешательстве в естественный ход событий. Боги в поэме, напротив, приближены к людям, поскольку признаются их предками. Такой взгляд на богов свойствен язычеству. Принавали его и некоторые направления христианства (в частности, на Руси именно в XII в.), хотя и с отрицательным акцентом (не «настоящие» боги). Светская аудитория же наверняка была более склонна верить в сверхъестественные возможности столь близких им богов-предков, особенно в тех случаях, когда церковь не успевала (или не умела) убедить в том, что все жизненные коллизии предусмотрены христианским богом.

Для древнерусской литературы характерна глубокая историчность. Но история, естественно, представляла и самостоятельный интерес, который удовлетворялся сочинениями как переводного, так и оригинального характера. У всех народов история начиналась с героических песен, приобретающих со временем значение документов, что и

⁶⁹ Цит. по: «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. I. М.-Л. 1965, стр. 15—25.

обеспечивало им значительную сохранность на протяжении ряда столетий. В XII в. историческая песня еще конкурировала с письменной историей. «Историци и ветия, рекше летописци и песнотворци,— замечал Кирилл Туровский,— прикланяють своя слухи в бывшия межю цесари рати и възпълчения, да украсять словесы и възвеличать мужествовавшая крепко по своємь цесари и не давших в брани плещю врагом и тех славяще похвалами венчают»⁷⁰. Следы исторических песен заметны в летописном повествовании об Олеге, рассказе об Ольге, сказании о единоборстве Мстислава с Редедой (1022 г.). Но М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что если все летописание X — первой половины XI в. сводить к устным преданиям, то «достоверность сведений по истории Руси... снижается до крайности»⁷¹. Напротив, достоверность основной летописной канвы событий за этот период предполагает ведение современных записей, что и отмечалось многими историками (Б. Д. Грековым, Б. А. Рыбаковым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепнинным, а в более раннее время И. И. Срезневским и Н. К. Никольским).

В настоящем виде летописи — это большие своды, охватывающие много столетий (вплоть до XVII в.). Только в московских хранилищах А. Н. Насоновым было выявлено более тысячи рукописей исторического содержания. При беглом взгляде на весь этот огромный материал создается впечатление, будто все летописание — это ветви дерева, идущие от одного корня. Более внимательное рассмотрение летописных текстов позволило специалистам уловить не только многочисленные наслоения и переработки, сопровождавшие переписывание старых текстов, но и следы изъятий отдельных сказаний, характеристик и даже целых самостоятельных летописных традиций. Древнейшие рукописи, содержащие летописные тексты, датируются XIII—XIV веками. Однако сопоставление летописей между собой и привлечение летописных «параллельных» источников позволяют говорить о самостоятельных традициях с определенным кругом сведений и литературных приемах оформления исторических сочинений. Летописный свод — явление относительно позднее. Ему предшествуют особые исторические сказания и повести, локальные хроники и летописцы. Все эти жанры бытуют рядом с летописными сводами и в более позднее время, хотя в большинстве случаев они входят уже в состав сводов. Примечательно, что основная канва событий за X век представляет собой светскую повесть. Клерикальные тексты за этот период являются позднейшим добавлением, своеобразным переосмыслением событий со стороны церковных авторов. Для позднего летописания характерен провиденциализм — вера в божественное предопределение. В XI—XII вв. эта характерная для христианства черта еще не укрепилась в сознании писателей⁷². Даже само понятие христианства представлено одним из ранних летописцев как результат сознательного выбора Владимира, который определялся вполне мирскими мотивами. Летописцы в это время сохраняли значительную самостоятельность, не стесняясь иронизировать в адрес своих князей. Добродушная ирония звучит в описании похода на болгар в 985 г.: «Рече Добрыня Володимеру: «Съглядах колодник (пленников.— Авт.), и суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искат лапотников». По поводу поражения радимичей на р. Пицане от воеводы Волчьего хвоста летописец напоминал, что «темь и Русь корятся Радимичем, глаголюще: «Пищаньци волчьья хвоста бегают»⁷³.

Разумеется, даже самые ранние летописцы не были лишены симпатий и антипатий в оценке тех или иных событий, людей. Тенденциозность несомненна в тех случаях, когда летописцы стремятся либо скрыть, либо как-то подправить действительность. Так, в записях X в. можно заметить стремление какого-то автора выгородить воеводу Свенельда в ущерб князьям Игорю и Святославу. Чья-то рука записала строки, полные сочувствия Ярополку в его противостоянии Владимиру. Рассказ русской летописи о походе Святослава на Дунай и повествование о том же событии византийского автора Льва Диакона воспринимаются почти как отчеты командования двух

⁷⁰ Кирилл Туровский. Слово о Никейском соборе. ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л. 1958, стр. 344.

⁷¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Ч. I. М. 1962, стр. 66.

⁷² Мощная светская струя выявлена Б. А. Рыбаковым в киевском летописании XII в. (ср.: Б. А. Рыбаков. Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве»).

⁷³ ЛЛ, стр. 82.

воюющих сторон: факты почти одни и те же, а интерпретация их противоположна. Любопытно, что, по летописи, к моменту отступления у Святослава оставалось 10 тыс. воинов, но он еще 10 тыс. «прирече», дабы ввести греков в заблуждение и получить больше «дани». Греческий автор подтверждает данные летописи, сообщая, что на дорожку отступавшим был выдан хлеб на 22 тыс. человек.

Ранние летописцы, в том числе и церковнослужители, не были склонны ополчаться на язычество. «Вещий» Олег, перехитривший христиан-греков, сравнивается со «святым Дмитрием» (Изяслав Ярославич носил христианское имя Дмитрия, и при нем особенно выделялся культ этого святого). Летописец не сомневался, что Всеслав Полоцкий рожден «от волхованья». Напомним, что и митрополит Иларион не противопоставлял христианских правителей Руси их предшественникам, принесшим славу русскому оружию. Вскоре после смерти Ярослава Мудрого создается один из самых значительных исторических трудов Древней Руси — «Повесть временных лет». Не исключено, что это произведение не являлось летописью в позднейшем значении этого слова (то есть не было погодной хроникой), хотя и не было лишено определенных хронологических обозначений. Создатель «Повести» ставил до известной степени исследовательскую (а не описательную) задачу — определить, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача перве княжити и откуда Руская земля стала есть». На основе греческих хроник и памятников западнославянской письменности он определил прародину славянства в Иллирии, откуда выводил и «русь»-полян. Основной мотив этого памятника (как и у Илариона) — русские князья правили не в «неведомой» земле, и самой Византии неоднократно приходилось откупаться от осаждавших ее столицу русских дружин. В песнях и сказаниях IX—X вв. автор мог найти богатый, подтверждающий этот тезис материал.

С процессом проникновения письменности на периферию и с углублением феодального дробления возникает свое летописание в каждом значительном центре. С начала XI в. ведется летописание в Новгороде, где сложились свои представления о начале Руси. Своеобразным противовесом повести о полянах-руси оказывается варяжская легенда, выводящая «Русь» и ее князей с балтийского побережья (из какой именно его части — вопрос спорный) и ведущая самих новгородцев «от рода варяжска». Позднее для новгородского летописания становится характерным сухой, деловой стиль. Южное летописание, напротив, постоянно сохраняло сочность выражений, стремление к художественной украшенности. Особенно это заметно в галицко-волынской традиции летописания, также отделившейся от киевской не позднее XI века. Знаменательно, что наибольшее количество аналогий для «Слова о полку Игореве» (в смысле лексики, а иногда даже и образов) можно найти в Ипатьевской летописи, полнее всего сохранившей южнорусское (киевское и галицкое) летописание XII—XIII вв. Киевское летописание также далеко не однородно. Его различия особенно становятся заметными с разделом Руси между тремя сыновьями Ярослава. При этом старший — Изяслав — политически тяготел к Западу, и в близком ему летописании заметно влияние западнославянской письменности, а также ощущается известное почтение к Риму, сопротивление настояниям Византии о разрыве церквей. Всеволод, напротив, был тесно связан с Византией (поскольку был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха), хотя это не означало, что Всеволодовичи бездумно следовали в фарватере византийской политики. Летописание Святослава Ярославича дошло лишь в незначительных фрагментах, а исторические сочинения многих других центров и вовсе утрачены.

Вытеснение и пресечение княжеских ветвей приводили к гибели целых историографических традиций. «Племя Мономаха» в XII в. становится доминирующей силой в разных концах Руси. Поэтому в большинстве дошедших летописей в основе лежат редакции «Повести временных лет», относящиеся ко второму десятилетию XII в., — времени утверждения Мономаха в Киеве. Но успеху тенденциозных переработок способствовало и то обстоятельство, что идеи собственно «Повести временных лет» при этом мало пострадали. «Повесть» оставалась памятником, напоминавшим об общей природе всех ответвлений русского племени и звавшим к сохранению государственного единства.

Как и в других отраслях культуры Древней Руси, в сфере художественного творчества многое можно понять, лишь постоянно оглядываясь в прошлое славян — во

времена язычества⁷⁴. Известно, что Древняя Русь миновала ступень рабовладельческого строя и феодальный строй вырос здесь непосредственно на почве патриархально-общинного строя. Патриархальные традиции и пережитки органически вошли в жизнь молодого классового общества. Поэтому для дальнейшего укрепления своих позиций княжеской власти пришлось обратиться к опыту византийской государственности, православия и искусства. Согласно летописному преданию, сила воздействия византийского искусства, которую испытали владимировы послы, побывавшие на богослужении в цареградской Софии, сыграла немалую роль в «выборе веры». «Греческий философ», склонявший киевского князя к православию, в качестве аргумента развернул перед ним пелену, на которой был вышит «Страшный суд» — важнейшая дисциплинирующая тема христианства, которая была очень созвучна нуждам укрепления русского феодального государства.

Как в области архитектуры, так и в изобразительном искусстве византийские мастера создали проверенные длительным опытом развития культа типы, нормы и правила. В архитектуре культовых зданий господствовала так называемая крестовокупольная система прямоугольного в плане храма с тремя полукруглыми или граничными алтарными выступами (апсидами) на востоке, с четырьмя или шестью столбами, несшими своды перекрытия. Центральное продольное и поперечное пространства между столбами (нефы) образовывали в плане крест, в перекрестье которого возвышалась крытая купольная сферическим сводом глава. Используя эту систему, удавалось создавать как небольшие четырехстолпные храмы, так и, наращивая новые поперечные или продольные ячейки, грандиозные соборы⁷⁵. И в области живописи также были детально разработаны принципы храмовой росписи, правила изображения тех или иных сюжетов, того или иного святого, система технических и художественных приемов воплощения образа⁷⁶. Будучи перенесены на Русь, эти архитектурно-художественные традиции Византии попали отнюдь не на пустое место, а встретились здесь с традициями языческого искусства славян и легли в хорошо подготовленную почву. Только этим и можно объяснить быстроту творческого освоения византийского наследия и проявившееся с первых же шагов древнерусского монументального искусства своеобразие его памятников и широту поставленных потребностями Древнерусского государства художественных задач.

Трудно говорить о монументальной архитектуре языческой Руси, но не приходится сомневаться в том, что, кроме «требещ» — культовых мест под открытым небом, где резную монументальную статую бога окружал кольцевой ровик с восемью углублениями для жертвенных костров, как это имело место, например, в Новгороде на Перыни⁷⁷, были специальные языческие деревянные рубленые храмы. Это, видимо, большие по площади и высокие многоглавые сооружения⁷⁸. Во всяком случае уже в X в. новгородские плотники сумели срубить из дуба обширный, 13-главый Софийский собор, состоявший из девяти высоких и четырех меньших срубов — алтаря и боковых притворов, образовавших динамическую ярусную композицию⁷⁹. Найденная при раскопках в Новгороде великолепная дубовая полуколонна XI в., украшенная резным плетеным орнаментом с изображением грифона и кентавра, также обнаруживает высокое мастерство, которое

⁷⁴ Основные вопросы истории древнерусского искусства X—XIII вв. изложены в обобщающих трудах: «История русского искусства». М. Т. 1. 1953; т. 2. 1954; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств. Т. III. М. 1955; «Всеобщая история архитектуры». Т. III. М.-Л. 1966; «Історія українського мистецтва». Т. I. Київ. 1966.

⁷⁵ Об архитектуре Византии см.: Н. И. Брунов. Архитектура Византии. В кн. «Всеобщая история архитектуры». Т. III.

⁷⁶ О византийской живописи см.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи. Тт. I—II. М. 1947.

⁷⁷ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище на Перыни. «Краткие сообщения» о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 50. 1953; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.). Там же. Вып. 53. 1954; его же. Языческие святилища Смоленских кривичей. Там же. Вып. 87. 1962.

⁷⁸ Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян. «Краткие сообщения» о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 16. 1947.

⁷⁹ Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII веков. «Русская архитектура». М. 1940, стр. 121—123.

свидетельствует о давних местных традициях искусства резьбы по дереву и богатом декоре монументальных рубленых зданий⁸⁰. Характерно, что летописец, обычно скупой на выражение эстетических оценок, в случаях сообщений о пожарах деревянных христианских храмов очень часто добавляет, что церковь «горазда бо бяше и лепа», или что она была «толико чюдна, якова не бывала и потом не будеть» (о дубовом Ростовском соборе XI в.). Русский человек, видимо, остро воспринимал красоту монументальных деревянных зданий и постоянно выражал свою любовь к ним.

Сказанное объясняет «чудо» стремительного творческого освоения русскими византийской «ученой архитектуры купольных церквей с их сложной и тонко рассчитанной игрой уравновешенных сводов»⁸¹ и отработанной искусной техники кладки из тонкого кирпича — плинфы, и не менее сложной в техническом и в художественном отношениях системы изобразительного искусства. Древнейшая каменная постройка Киева — Десятинная церковь (989—996 гг.) известна нам лишь по раскопкам ее руин⁸². Это был огромный трехнефный храм, окруженный с трех сторон галереями. Его объем был сложен и завершался, по сведениям письменного источника, 25 главами. В отличие от византийских храмов с их приземистыми куполами для русских купольных зданий была характерна динамическая композиция объема и венчающих частей: много куполов поднималось на высоких барабанах (поэтому их и называли «верхами»). Внутри храм богато украшен мозаикой и фресковой живописью, сверкал полированным камнем панелей и полов. Этот величественный и торжественный храм высился на площади торгова, возникшей еще при княгине Ольге («Бабин торжок»). По сторонам площади красовались здания каменных княжеских дворцов, не уступавших по своей отделке самому храму, а около него князь Владимир поставил вывезенные из покоренной Корсуни памятники античной скульптуры — римскую бронзовую квадригу коней и мраморные статуи греческих богинь. Центральный ансамбль «матери градов русских» конца X — начала XI в. свидетельствовал о сложности и своеобразии русской художественной культуры.

Русская художественная культура достигла высшего расцвета при Ярославе Мудром, когда стольный Киев сильно вырос и был огражден поясом деревянно-земляных валов с несколькими каменными проездными башнями. Его архитектурным и идейным центром стал воздвигнутый Ярославом Софийский собор⁸³. Вокруг даты сооружения собора идут споры, во всяком случае, она относится к периоду 20 — 50-х годов XI века. Своей величиной и величием Софийский собор превосходил Десятинную церковь. Это был грандиозный для той эпохи храм. Его пятинефное ядро опоясывали два ряда галерей, из которых одна была открытой аркадой, как бы связывавшей громаду собора с внешним миром. Могучая ступенчатая композиция здания завершалась пирамидой высоких глав (как и у дубовой новгородской Софии, их было также 13!). У западных углов собора высились суровые, подобные крепостным «вежам» и, может быть, крытые, как и они, острыми шатровыми кровлями башни, вмещавшие широкие лестницы, которые вели на обширные хоры — княжеский «бельэтаж», изолированный от остальных лежащих под хорами. Применение наружной красочной росписи фасадов довершало глубокую самобытность образа центрального храма Древнерусского государства. Языком камня Софийский собор утверждал идею могущества и уму непостижимой силы княжеско-боярской знати, способной воздвигнуть столь грандиозное, торжественное и пре-

⁸⁰ А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. «Вестник» Московского университета, 1954, № 4.

⁸¹ А. Н. Грабар. Крещение Руси в истории искусства. «Владимирский сборник (1988—1938)». Београд. 1938, стр. 80.

⁸² Изучение древнерусского зодчества обязано своим бурным развитием большому труду советских археологов, которые открыли и ввели в научный оборот более 100 дотоле неизвестных памятников древнерусской монументальной архитектуры X—XIII веков. Конечно, это главным образом их остатки, которые, однако, позволяют судить не только о плане, но и о формах здания в целом. Если до Великой Октябрьской социалистической революции было известно около 40 памятников, то теперь их более 150. Общий обзор этих исследований см. в статьях: Н. Н. Воронин. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XII веков. «Материалы научной конференции, посвященной сорокалетию советского искусствознания». М. 1958; П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII веков. «Советская археология», 1962, № 2.

⁸³ Г. Н. Логвин. София Киевская. Киев. 1971.

красное здание «жилища бога». Собор был окружен каменной крепостной стеной митрополичьего двора. Он являлся средоточием крупного архитектурного ансамбля. Рядом с ним возвышались большие соборы монастырей Ирины и Георгия, на него ориентировались городские крепостные ворота, к нему устремлялись главные улицы столицы. Во всем этом проявилось высокое мастерство зодчих, их широкое градостроительное мышление, глубокая продуманность княжеского заказа. В последующие времена киевская София стала недосягаемым образцом для подражания. Подобные, но отнюдь не равные ей по мастерству соборы были сооружены на северном конце пути «из варяг в греки» в Новгороде Великом (1045—1050 гг.) и в столице Полоцкого княжества (вторая половина XI в.).

В этих памятниках наряду с заимствованием общей идеи уже проявлялись и местные черты.

Великолепным было и художественное оформление интерьера киевского Софийского собора, поражающего разнообразием и живописностью архитектурных перспектив и своими размерами. Храм вместе с галереями был, по существу, девятинефным. Его площадь по первому ярусу составляла 1 472 кв. м, по хорам и второму этажу галерей — 588 кв. м, а всего — 2 060 кв. м, на которых могли разместиться 2—4 тысячи человек...⁸⁴ Таких масштабов не знала архитектура Византии того времени. Не было в храмах Византии и таких громадных хоров, явно связанных с заказом Ярослава и свидетельствующих о его размахе. С освещением хоров хорошо связывалось и многоглавие храма св. Софии. Под ногами вошедшего в храм расстилась цветной холодный ковер мозаичных полов. Богато освещенное центральное подкупольное пространство и алтарь были украшены мозаикой с ее торжественно мерцающими золотыми фонами⁸⁵. С недосягаемой высоты купола грозно взирали на человека огромные очи Христа, охраняемого архангелами, облаченными в царственные одеяния. На своде алтарной апсиды молилась за род человеческий гигантская (5,45 м высоты) богоматерь, поднявшая в молитве тяжелые руки и известная под именем «Нерушимой стены». Ниже Христос причащал застывших в своем движении апостолов, а под ними, подобно белым столпам, высились фигуры святителей — строителей и «отцов» византийской церкви. В распоряжении мастеров был набор мозаичных кубиков 177 оттенков, которыми они пользовались с непревзойденным артистизмом, создавая великолепный и в частности и в целом богатый колористический ансамбль. Праздничность ансамбля усиливали цветистые пояса и ленты орнаментов, лишившие роспись суровости и мертвенности. Да и само искусство софийских художников вовсе не было отвлеченным — они превосходно передавали смысл изображения как средствами ясной и продуманной композиции, так и умением наделять образы своих героев выразительными до «портретности» чертами; лица еще сохраняли свой живой, естественный цвет и не превратились в сумрачные и пугающие «лики».

Остальные части храма были украшены фресковой росписью. Если залитые светом мозаики с их сверкающим золотом и немеркнущими красками уподоблялись трубному гласу органа, то нежная цветовая гамма матовой, как бы «пастельной» фресковой росписи, расположенной в менее освещенных местах, звучала как удаленный хор. Здесь были воплощены легенды библейской и евангельской истории и житейные темы, а на столбах незыблемо высились фигуры апостолов, святых и мучеников, неотрывно смотревших на человека своими широко раскрытыми строгими глазами. Рассматривая роспись — сюжет за сюжетом, горожанин или сельский житель как бы читал священную книгу: живопись была «библией для неграмотных». В сонме небожителей Ярослав ввел своих предков и коллективный портрет своей семьи, стоящей по сторонам сидящего на троне Христа. Этот важный сюжет для пропаганды богоизбранности и святости княжеского рода был помещен на видном месте — на обращенной в храм стене хоров. Схема росписи в целом была строго согласована с архитектурой, образуя редкостный по красоте и гармоничности синтез. В целом, как и архитектура собора, его роспись была лишена мрачности и не рождала чувства подавленности, напротив, она возвышала человека, отрывала его от примитивных языческих представлений, ставя на место поклонения зверям и деревьям культ обоженного человека.

⁸⁴ Цифровые данные любезно сообщены Г. Н. Логвиним.

⁸⁵ В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М. 1960.

Величие искусства Софийского собора было величием эпическим, богатырским, в нем было много от мирской светскости, которая особенно ярко проявилась в росписи лестничных башен, где нашли место изображения сцен охоты, народных игр, константинопольского ипподрома и пр. При всем этом огромное, четко организованное и светлое пространство храма с его убранством являло разительный контраст крошечным и темным полуземляночным жилищам простого люда и в который раз демонстрировало могущество господ, их богоравность и право «над людьми воцариться». Во втором крупном центре Южной Руси — Чернигове почти одновременно с киевской Софией был выстроен Спасский собор. По своему архитектурному решению он близок к Десятинной церкви, но не имеет галерей, лишь одна лестничная башня вела на хоры. Внутреннее убранство собора было также более сдержанным.

При Владимире и Ярославе строительство в Киеве было великой «высшей школой» для русских мастеров и художников, которые, несомненно, работали плечом к плечу с греками, перенимая их мастерство и обретая собственный художественный язык. К концу XI в. относится творчество прославленного киевского живописца и мозаиста Алимпия. От середины XI в. дошли имена участников росписи новгородской Софии — русских мастеров Георгия, Сежира и Олисея, а над росписью 1108—1112 гг. здесь работали живописцы Стефан, Микула и Радко⁸⁶. Почерк русских художников виден и в мозаиках собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1108 г.), где вместо греческих надписей появились русские, а застывшее движение грузных апостолов софийской «Евхаристии» сменилось непринужденной живостью подходящих к Христу изящных и стройных мужей, даже лишенных нимбов — признака святости — и облаченных в одежды изысканных расцветом⁸⁷. Имевшая место в языческое время круглая монументальная скульптура не получила в дальнейшем развития — церковь видела в ней напоминание о низвергнутых идолах. Зато широко использовались традиции плоской резьбы по дереву: таков резной орнамент шиферных парапетов храмовых хоров и в особенности украшавшие дворцы и храмы огромные резные плиты с изображениями святых конных воинов — покровителей князя и его дружинников, или с мифологическими сюжетами.

Станковая живопись — икона тоже рано стала сферой русского творчества. Здесь, кроме высоких образцов софийской росписи, были и непосредственно иконные греческие «образцы», выбиравшиеся с отменным вкусом и чувством. Такова, например, попавшая на Русь в начале XII в. и ставшая позднее «Владимирской» замечательная икона богородицы с трепетно прижавшимся к ней младенцем, где византийский мастер с гениальной проникновенностью изобразил не «царицу небесную», а прелестную, вполне земную юную мать с нежным лицом и полным скорби и тревоги за грядущую судьбу сына взглядом. Иконы в ту пору являлись главным образом принадлежностью храмов, были велики и монументальны. О них мы можем судить по попавшим в разные города памятникам, которые несут явные признаки связи с киевским искусством. Такова икона Георгия (в Музее Московского Кремля) времени Мономаха. По своим размерам (122 × 174 см) она кажется снятой со стены мозаикой или фреской, ее колорит, золотой фон близки софийским мозаикам. Образ святого Георгия лишен отвлеченности, — это прекраснотелый молодой воин с копьем и мечом, в дорогом пластинчатом доспехе и красном плаще с искусно уложенными каштановыми кудрями и пытливым взглядом широко открытых глаз⁸⁸. Такова и найденная в ярославском Спасском монастыре большая (126 × 194 см) икона молящейся богородицы, приписываемая Алимпию. Икона пронизана свежими воспоминаниями о золоте киевских мозаик: у нее золотой фон, золотом сияют складки одежд. Образ богородицы — вдохновенный гимн женской красоте: ее тело высоко и стройно, у нее крошечные руки и маленькая голова; прекрасное розовое лицо с тонким носом и нежными губами освеще-

⁸⁶ Это выдающееся открытие новых имен русских мастеров сделано А. А. Медынцева (см. «Новгородские надписи — граффити XI—XIV веков (по материалам Софийского собора)». Автореф. канд. дисс. М. 1971, стр. 9—17).

⁸⁷ В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М. 1966.

⁸⁸ Н. А. Демина. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи (на примере иконы «Георгий-воин» XI—XII веков). «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М. 1972.

но взглядом чудесных, чуть косящих глаз, смотрящих прямо в душу из-под круто изогнутых соболиных бровей⁸⁹.

Древнерусские художники искусно украшали книги причудливыми заставками и буквицами, с неистощимой фантазией живо писали фигуры людей, тварей и растений. Миниатюры древнейшей рукописи «Остромирова евангелия» своим колоритом и тончайшим золотым рисунком контуров и деталей напоминали драгоценные перегородчатые эмали золотых диадем, ожерелий и серег-колтов княжеско-боярской знати. Это был единый стиль, воплощавший ее вкусы, ее мировоззрение. Тот же интерес художника к изображению пышных княжеских облачений сказался и в групповом портрете семьи князя Святослава в «Изборнике Святослава» 1073 года, где, однако, нет попытки передать живые черты лиц княжого дома, фигуры которых плоскостны и мертвенно неподвижны. Искусство Древнерусского государства X—начала XII в. отражало особенности культуры той поры. Оно было еще пронизано мирской стихией. В нем жило сознание силы народа, могущества Русского государства и его владык, поднимавших меч на самый Царьград. Это искусство характеризовалось оптимизмом мировосприятия, еще чуждого аскетизму и церковной исключительности.

Киевская Русь оставила будущим поколениям богатейшее культурное и художественное наследие. Однако исторические условия его развития и общий характер культуры в конце XI—начале XII в. существенно меняются. Наступает период феодальной раздробленности. В границах уходящего в прошлое Древнерусского государства возникают независимые от Киева феодальные княжества со своими столичными центрами и епископиями, со своими политическими интересами и культурными связями. Их потребности и цели значительно уже и скромнее грандиозных замыслов времени Владимира и Ярослава. Однако теперь шире раздвинулись границы развития культуры, вынесенной на просторы Восточноевропейской равнины, народные массы были активнее включены в историческое творчество, что обогатило культуру и искусство обилием местных оттенков и вкусов. Одновременно с упрочением феодального строя росло могущество и влияние церкви. Еще при Ярославе «черноризцы почаша множитися и монастыреве почаша быти», что оказало значительное воздействие на дальнейшее развитие архитектуры и искусства. Ни отдельным феодальным городам, ни монастырям не было нужды в архитектурных гигантах, равных Софии, да и располагали они более ограниченными средствами. Строители со временем переходили на более простую, «порядковую» кладку из плинфы.

Характерным образцом храма переходного периода является собор прославленного в истории русской культуры киевского Печерского монастыря (1073—1078 гг.). По сравнению с Софией он невелик и очень строг. Его объем лишен могучей ярусности и живописности и как бы замкнут в себе. Вместо ликующего тринадцатиглавия массив здания венчает одна тяжелая глава. Исчезли галереи и лестничные башни: вход на хоры помещен внутри северной и западной стен храма. Он как бы изолируется от окружающего мира и противопоставляется ему, символизируя мысль о неподвижности и извечной богоустановленности бытия. Внутреннее пространство храма, с хорами в западной части, расчленено шестью мощными крестчатыми столбами, тоже неподвижно и сурово. Этот тип «соборного» храма повторяют и городские соборы новых столиц, крупных городских центров, а также больших монастырей. Одновременно распространяется тип небольшого четырехстолпного храма, вполне удовлетворявший потребности феодального двора или городского прихода. Теперь архитектура, как правило, обеспечивала только непосредственные нужды культа: различные по величине и назначению храмы не несут в своем образе ясно выраженных больших общественных идей; они более или менее «стандартны». На этом фоне выделяется связанный с пропагандой культа первых русских «святых» князей колоссальный крестовокупольный храм Бориса и Глеба в Вышгороде (до 1076 года).

Чернигов, крупнейший после Киева город Поднепровья и гнездо воинственной княжеской династии Ольговичей, не уступал «матери градов русских» в развитии строительства и искусства. И здесь архитектурным ядром города был княжеский дети-

⁸⁹ В. И. Аятонова и Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи XI—начало XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. Т. I. М. 1963, стр. 51—53.

нец. Рядом с древним Спасом находился Борисо-Глебский храм — усыпальница княжеского рода, окруженная галереей с восточными приделами и гульбищем наверху. Могучий барабан главы усиливал впечатление неподвижности массива здания. Зодчие стремились создать иллюзию кладки храма из белого камня, расчертив штукатурку фасадов «швами», что гармонировало с применением в декоре фасадов крупных резных белокаменных капителей. Видимо, черниговской знати, как и феодалам Галичи и Владимиро-Суздальской Руси, импонировало великолепие богато украшенных резьбой белокаменных храмов. Между соборами благодаря раскопкам были обнаружены остатки небольшого каменного княжеского терема. Созданный в 1183—1186 гг. Благовещенский собор стремился соперничать с киевской Десятинной церковью; обширный и вместе с тем изящный, опоясанный галереями, внутри он был богато убран резным белым камнем и имел украшенные мозаикой полы. Наряду с этими крупными сооружениями в Чернигове получило развитие строительство малых, порой бесстолпных храмов. Возводились они чаще всего на небольших феодальных дворах. Черниговское зодчество, отличавшееся высоким архитектурно-техническим совершенством, впитало в себя глубокие традиции художественной культуры Древнерусского государства. Вспомним, что из знаменитого черниговского кургана X в. — «Черной могилы» извлечены два древнейших выдающихся памятника русского прикладного искусства — серебряные оковки турьих рогов.

В Переяславе Южном (ныне Переяслав-Хмельницкий), крупном стольном городе и важнейшем стратегическом центре в пограничье со степью, несмотря на его тревожную боевую службу, в XI—XII вв. развивается значительное монументальное строительство⁹⁰. В конце XI в., при епископе Ефреме, в детинце возник целый комплекс каменных построек, соперничавший с ансамблем киевской митрополии. Епископский двор оградили каменной стеной с надвратной церковью Федора. Собор архангела Михаила — огромный храм с притворами — был центром ансамбля; его интерьер украшали, как и в киевской Софии, мозаики и фрески, мозаичные и майоликовые полы. По соседству с собором стоял каменный дворец епископа (11 × 18 м), едва ли не превосходивший драгоценностью своего убранства собор: в нем были мозаики, мраморные инкрустации и капители, выложенные шиферными плитами с мозаичными узорами полы. Русского летописца удивила постройка епископом Ефремом каменной бани — «сего же не бысть (преже) в Руси», видимо, это были придворные епископские бани византийского образца. Наряду с крупными, монументальными зданиями строились и совсем небольшие храмики в отдельных боярских усадьбах.

Волинские зодчие придерживались киевской традиции. Они строили много храмов из плинфы, которые, по-видимому, не выходили за пределы привычных типов здания. В лежащем на север от Волыни маленьком Гродненском княжестве на Немане зодчие создали весьма эффектную систему убранства кирпичных фасадов храмов вставками огромных глыб цветного полированного валунного камня и цветных майоликовых плиток, из которых набирались изображения крестов и геометрических фигур⁹¹. Строители из Галицкого княжества использовали разнообразные по качеству и цвету местные известняки, широко применяя их в декоративной резьбе фасадов. Галичи был богат каменными зданиями, руины которых теперь известны далеко за чертой городских укреплений: они, видимо, являлись разнообразными по форме и масштабам храмами боярских пригородных усадеб или небольших монастырей. Сохранившаяся в сильно измененном перестройками виде церковь Пантелеймона свидетельствует о высоком мастерстве ее зодчих и резчиков, оставивших в наследие нарядные порталы и капители. Летопись сохранила яркое описание ансамбля, созданного князем Даниилом Галицким в новой столице княжества Холме. Храмы этого ансамбля группировались вокруг высокой деревянной башни и были окружены «красным садом». Церковь Иоанна была богато украшена резным камнем: на капителях высечены человеческие головы, а над порталами — изображения Спаса и Иоанна. Резьба была раскрашена и позолочена. Автор этого убранства — русский мастер Авдий. Столь же пышным являлся интерьер храмов с круглыми колоннами из цельного камня и полами из сверкающих

⁹⁰ М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком. «Зодчество Украины». Киев. 1954.

⁹¹ Н. Н. Ворони н. Древнее Гродно, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 41, 1954.

медных плит и майолики. Мастера использовали опыт романских зодчих: в церкви Иоанна были «римские стекла», то есть витражи. Даниил Галицкий привез из Венгрии высеченную из багряного мрамора большую чашу («крестильницу») с изваянными по краям змеиными головами. Видимо, галицкие резчики высекали и объемные изображения крупного размера: при подходе к Холму путника встречало поставленное на колонне большое изваяние орла.

Крупной ветвью архитектуры Приднепровья необходимо признать зодчество древнего Смоленска, где было до 30 монументальных каменных храмов, к сожалению, не сохранившихся и известных лишь по трем уцелевшим памятникам и по раскопкам ряда руин. В первой половине XII в. Смоленск, видимо, пользовался услугами черниговских зодчих, создавших здесь довольно традиционные постройки. Расцвет строительства и формирование местной архитектурной школы падают на конец XII — начало XIII века. Они связаны с ростом влияния горожан, борющихся с князьями за свои права, с ростом городской культуры. В начале XIII в. здесь появляется еретическое движение и подвизается монах-вольнодумец Авраамий, собиравший своими проповедями множество простых людей. Быстро меняются и художественные вкусы: статичность и замкнутость церковных зданий уже не удовлетворяет и сменяется тягой к их динамической «высотной» композиции, ярусности объема, напоминающей древний «образец» — киевский Софийский собор. Храмы опоясываются широкими галереями-усыпальницами, местом сбора горожан для обсуждения мирских дел.

Большой собор на Протоке имеет раскидистую композицию. К западным углам галерей примыкают небольшие четырехстолпные храмики — частные усыпальницы, создающие известную распластанность здания. Пучковые пилястры члечат фасады, подчеркивая стремление к высотной динамике. Несравненно более сильно эта тенденция выражена в великолепном храме Михаила архангела у двора князя Давида, построенном неизвестным выдающимся мастером (1191—1194 гг.). Высокий основной объем здания как бы усиливают и поддерживают, вынося его кверху, боковые приделы, притвор с запада и сильно повышенная мощная апсида алтаря. Они создают крестовидность плана и масс здания, расчлененных снопами вертикалей пучковых пилястр и завершенных трехлопастной кривой, над которой уходит ввысь стройная глава. В отличие от обычных крестовкупольных храмов, замкнутых, суровых и недвижимых, смоленский храм Михаила архангела — покровителя княжеской власти и воинских дел, главного воеводы небесного воинства — был исполнен энергичным и сильным движением ввысь. Его внешний убор, нарядный и в то же время сдержанный, не отягощал этого движения и придавал храму несколько светский характер и изящество. По признанию летописца, это здание было необычным «в полунощной стране» и восхищало современников своей красотой и богатством внутреннего убранства. Его интерьер также пронизан подчеркнутой высотой и легкостью, здесь не было членивших пространство хоров. Все это являлось результатом творческой переработки канонической крестовкупольной системы и формирования своего, русского архитектурного стиля.

Однако это течение не было местным явлением. Видимо, зачинателем его был полоцкий мастер Иоанн, построивший в середине XII в. (около 1159 г.) собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке с его оригинальной ярусной башнеобразной композицией. К тому же течению примыкал гениальный строитель Покрова-на-Нерли (1165 г.), где ступенчатая ярусность и динамика композиции начинаются с холма в основании здания, переходят на аркады открытой галереи, далее на «плечи» храма и, наконец, завершаются стройной, легкой главой. Но все же расцвет этого течения приходится на конец XII — начало XIII в., захватывая крупнейшие центры Руси, превращаясь в общерусское течение. Так, в Пскове Троицкий собор (около 1190 г.) сочетал полоцкие черты с характерными пучковыми смоленскими пилястрами. В самом киевском Поднепровье в пору княжения в Киеве Рюрика Ростиславича смоленского, славившегося «любовью несътной о зданьих», создается ряд выдающихся памятников нового стиля. Это прекрасный храм Василия в Овруче, сочетавший динамику вверх с двумя лестничными башнями у западных углов, явно стремящимися напомнить о державности киевской Софии; это величественный собор 12 апостолов в Белгороде.

С заказом того же Рюрика Ростиславича связывают самый замечательный памятник нового стиля — храм Пятицы в Чернигове, построенный, возможно, любя-

мым зодчим Рюрика, его «приятелем» Петром Милонегом (рубеж XII—XIII вв.). Это сравнительно небольшой четырехстолпный храм стройных, изысканных пропорций, подчеркнутых легкими пучковыми пилястрами. Мастер в корне изменил конструкцию перекрытия: угловые части были перекрыты сводами в четверть окружности, а несущие легкий и стройный барабан главы подпружные арки поднялись по отношению к сводам архитектурного креста. Теперь завершающая фасады трехлопастная кривая получила конструктивную основу, как и стремительная ярусность верха. Изящество и «высотность» храма подчеркивал прозрачный декоративный убор его фасадов выложенными из плинфы деталями и орнаментами. Описанное течение в архитектуре характеризуется разнообразием композиционных решений: свои черты имеют храмы Путья и Новгород-Северского, где пучковые пилястры обретают почти готическую заостренность. Однако эти местные отличия не разрушают единства нового стиля, обогащаемого творческой выдумкой мастеров. Строители не замыкаются в узких границах своего княжества, их приглашают и в другие земли. Так, прославленные смоленские мастера строят по заказу «заморских» купцов церковь Пятницы в Новгороде (1207 г.), небольшой храмик на Вознесенском спуске в Киеве (рубеж XII—XIII вв.), собор Княгинина монастыря во Владимире (1200—1201 гг.). Исторический интерес описанного общерусского стиля состоит в том, что в нем, как и в «Слове о полку Игореве», по-своему выражались те же идеи о необходимости единения русских сил. Не случайно поэтому этот стиль так быстро распространялся, смело перешагивая рубежи феодальных княжеств. Сила его художественной выразительности, высотности и собранности в равной мере imponировала и патриотизму горожан и горделивым приказаниям князей на главенство в русском феодальном мире.

Если о развитии архитектуры в XII—XIII вв. благодаря археологическим раскопкам можно судить с относительной полнотой, то живопись того времени известна крайне фрагментарно. Она либо еще скрыта под позднейшими «поновлениями», либо начисто исчезла при разрушении храмов, оставив нам жалкие обломки. Монументальная живопись теперь отказывается от дорогой и сложной по исполнению мозаики, которая к тому же уже не подходит к убранству сравнительно небольших храмов, так как фактура мозаики требует больших расстояний. Повсеместно мозаику сменяет фресковая живопись. Ее художественные свойства усиливают суровость и строгость храмового интерьера. Существенно, что в состав росписи входит большая композиция «Страшный суд». Впервые художники воспроизвели ее под хорами собора киевского Кирилловского монастыря (середина XII в.), сооруженного черниговским князем Всеволодом Ольговичем, стремившимся закрепиться на киевском престоле. В центре композиции — неумолимый судия Христос на троне с апостолами и толпами «подсудимых» по сторонам. Раскрываются книги дел и помыслов каждого человека. Ангел «свивает небо» над этой трагической сценой, итогом которой является рай («Лого Авраамово») для праведников и страшная картина адской бездны, где демоны терзают грешников. Царяду с этим в росписи видное место занимают огромные фигуры «святых воинов», олицетворяющие силу княжеского меча и право силы. Цикл сюжетов о деятельности святого Кирилла Александрийского подчеркивал мысль о руководящем значении церкви в решении земных дел; в этих сценах сказывается влияние какого-то иконописного «образца». Стиль росписи характеризуется плоскостностью и отвлеченностью; светлые, несколько пестрые краски придают росписи ковровый характер, но по сравнению с росписью Софийского собора она несколько примитивна. В целом же по своему духу и содержанию кирилловская роспись прекрасно отвечает условиям и потребностям своего времени, поры решительного укрепления феодального строя, княжеской власти и влияния церкви.

Очерченные здесь важнейшие явления древнерусского искусства XI—XIII столетий свидетельствуют о сравнительной быстроте его развития, коренящегося своими истоками в великом наследии Киева эпохи Владимира I и Ярослава Мудрого. Примечательным явлением рубежа XII—XIII вв. был стремительный расцвет нового, общерусского архитектурного стиля, намечавшего ведши далеко вперед пути — к зодчеству Русского централизованного государства.